

Руслан Мельников

**«По ту сторону
сердца.
Наследие»**

Руслан Мельников

«По ту сторону сердца. Наследие»

<https://litres.ru/74053856>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они выжили. Они вместе. Но этого мало.

Грегор и Элизабет хотели покоя, однако прошлое не отпускает. Виктор, глава клана Безрассветных и тот, кто обратил Элизабет, одержим властью над тьмой, что веками спала за печатями. Он требует её возвращения — или смерть всем, кто ей дорог.

Чтобы защитить свой новый дом, они идут к врагу сами — в Морвин, город вампиров, где в древнем святилище их ждёт пророчество:

«И не будет спасения ни в свете, ни в пламени, ни в молитве. Но есть сталь, кованая не для войны — для суда. Тот, кто был мёртв внутри, но ожил, встанет против бездны один...»

Пророчество сбывается. Тьма пробуждается. И когда последний страж устанет, начнётся конец всего живого.

«По ту сторону сердца. Наследие» — тёмное средневековое фэнтези, вторая книга трилогии об инквизиторе, который перестал быть оружием, и вампирше, которая снова научилась чувствовать.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 – Последний звук тишины	8
Глава 2 – Отголоски прошлого	15
Глава 3 – Точка невозврата	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Руслан Мельников

«По ту сторону сердца. Наследие»

Пролог

Более 100 лет назад...

Тишина. Та самая тишина, что царит в пространстве после тяжелого боя. Тяжелого, не только числом павших, но и тем, кого потеряли. Два клана, две семьи в каждой из которых более сотни вампиров, столкнулись в безумной схватке за существование. Где-то в стороне пылает огонь догорающего сарая. Ближе – прощаются с умершими. Но одно дело, когда умирают так называемые солдаты, ведь они знали на что шли, но другое – победа, ценой смерти лидера...

— Посмотри на меня, - прозвучало тихим, умирающим голосом – ты... был самым верным из всего клана, из всей нашей семьи. Я верю, что твоя верность сумеет не покидать тебя всю твою жизнь, что ты не посмеешь предать меня, себя и свой долг.

— Никогда, я клянусь. – нервно, с отчаянием. – Никогда, слышишь.

— Ты был мне как сын... Но время пришло, твоё время, Виктор. Всё с тем же отчаянием он глядел на лидера клана, медленно покидающего этот мир. Старался запомнить всё, до малейшего слова из его речи, последней речи...

— Ты прекрасно знаешь, каков долг лидера клана, отца нашей семьи, семьи Безрассветных. Долг не только в сохранении величия, но и в том, чтобы уберечь мир и всех в нём живущих — других вампиров, колдунов, людей и животных. Ты знаешь, что мы охраняем. Не просто клан, не просто семью. Мы — последняя преграда. Там, в корнях мира, спит то, чему нет названия в человеческих языках. Наши предки заперли его. Наша кровь держит замок. Если мы исчезнем — оно проснётся.

Он медленно, практически обессиленный, передал Виктору амулет. Тот понимал всю ответственность, честь долга, но сейчас ему было плевать. Он видел лишь умирающего отца семьи вампиров, лидера клана, потому как он действительно относился к ним как к своим сыновьям. Отец замер. Ни единого вдоха, ни движения. Только тишина - та самая, что накрыла после боя. Виктор уткнулся кулаками в землю, сжал их, аж кости пальцев побелели. Так он просидел около 10 минут. Потом поднял голову. У догорающего сарая стояли трое из клана. Смотрели. И не двинулись с места.

— И ни один... Абсолютно никто даже не подошёл проститься с умирающим отцом. Семья называется... Какая к чёрту семья?! Лишь кучка недоумков, которым дано жить

вечно и питаться кровью живых.

Разум Виктора окутала ненависть и гнев по отношению ко всему клану.

— Каждый спасает свою шкуру... Какие же они жалкие. - сжав зубы завершил свой монолог. Огонь после битвы догорал за его спиной.

Виктор поднялся. Медленно, будто тело весило втрое больше обычного. Колени дрожали, но он выпрямился. Не оглянувшись на тех троих у сарая — они не заслуживали даже его презрения. Он пошёл. Шаг. Ещё шаг. Ноги несли его прочь с поля боя, через выжженную траву, мимо тел, которые уже начали убирать. Он не видел их. Он вообще ничего не видел — только дорогу впереди, серую, как пепел под ногами. Крепость клана стояла на холме — старая, каменная, с узкими окнами-бойницами. Когда-то она была домом. Теперь — склепом. Виктор пересёк ворота, прошёл внутренним двором, где ещё вчера звучали голоса, и вошёл в главный зал. Пусто. Гулко. Его шаги отдавались от стен, как удары сердца — редкие, глухие. Он остановился посреди зала. Сжал амулет в ладони — тот самый, что минуту назад был в руках отца. Печать. Последняя. Мысли текли медленно, тягуче, как кровь из открытой раны.

Я теперь страж. Последний страж. Их больше нет — тех, кто стоял до меня. Отец ушёл. Клан... клан — не семья. Они даже не подошли. Они смотрели издали, как шакалы, ждущие, когда лев испустит дух. На кого мне опереться? На них?

На этих трусов, что прячут лица за капюшонами и называют себя Безрассветными? Они не знают, что значит это имя. Не знают, что мы охраняем. Им плевать. А мне? Мне тоже плевать?

Он разжал ладонь, посмотрел на амулет. Тусклый металл, древние символы, едва заметная пульсация внутри — словно там, в сердце камня, что-то дышало. Тьма. Та самая, о которой говорил отец. Та, что спит в корнях мира.

Я держу её. Один. Если я разожму пальцы — она вырвется. Если я умру — она вырвется. Если я устану...

Он осёкся. Потому как, устал уже сейчас.

Нет. Я поклялся. Я дал слово умирающему. Я буду хранить. Я буду стражем. Я буду последним, кто держит эту грань. Но ради кого?

Он обвёл взглядом пустой зал. Пыль на каменных плитах. Потухшие факелы. Тишина — та самая, с поля боя, — приползла за ним сюда и улеглась у ног, как верный пёс.

— Ради себя, — сказал он вслух.

Голос прозвучал хрипло, но твёрдо.

— Только ради себя. И ради отца. Остальные не стоят.

Он стиснул амулет в кулаке и пошёл дальше — вглубь крепости, в темноту коридоров, туда, где его никто не ждал.

Последний страж тьмы, наконец, вступил в свою должность...

Глава 1 – Последний звук тишины

Рассвет, уже привычный приятный. Каждый раз открывая глаза, Грегор видит одну и ту же картину, словно застрял во времени, но покидать этот фрагмент не хочется. Солнечные лучи пробиваются сквозь окна, освещая комнату. Инквизитор в который раз открывает глаза утром, видя её. Она хозяйничает, что-то делает по дому – создаёт уют женской суеты. Кажется, будто любой откажется прерывать такое ежедневное начало.

Рассвет в Приюте был тихим и серым — горы задерживали солнце, и первые лучи пробивались сквозь узкие окна не золотом, а размытым серебром. Грегор открыл глаза не сразу. Сначала вдохнул знакомый запах: сухие травы, старое дерево, что-то цветочное — её запах. Потом повернул голову.

Элизабет стояла у стола спиной к нему. Перебирала склянки, которые принесла Мира, — травница учила её различать настои по запаху, и она всерьёз увлеклась. Её светлые волосы, заплетённые в свободную косу, скользнули по плечу, когда она наклонилась, чтобы подписать новую баночку. Двигалась она всё так же бесшумно, но теперь в этих движениях не было настороженности — только привычная, почти домашняя сосредоточенность.

Грегор смотрел на неё и думал: сколько раз он уже просыпался так? Месяцы в Приюте слились в один долгий, спо-

койный сон, который он боялся прервать. Каждое утро одно и то же: она, травы, серый свет, тишина. И каждое утро он не хотел ничего менять.

— Ты давно не спишь, — сказала она, не оборачиваясь.
— Я слышу твоё дыхание.

— Не хотел мешать.

Она обернулась. В утреннем свете её глаза казались почти прозрачными.

— Ты не мешаешь. Ты никогда не мешал мне.

Грегор быстро встал и близко подошёл к Элизабет, обняв за талию. В планах у него был неожиданный поцелуй, но резкая боль отдала в плечо.

Он сел обратно, потёр перевязанное место — старая рана ныла к перемене погоды, но уже не так сильно, как раньше. Элизабет подошла, села рядом на край постели, положила холодную ладонь на его руку.

— Опять болит?

— Терпимо.

— Ты всегда говоришь «терпимо».

— Я так говорю, потому что это правда.

Она улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у него до сих пор что-то переворачивалось внутри. Потом вдруг посмотрела в окно, и улыбка погасла.

— Что? — спросил он.

— Ничего. Просто... показалось.

Крепость, которую они называли Приютом, стояла на хол-

ме в восточных предгорьях — старая застава, построенная ещё в те времена, когда границы проходили иначе. Толстые каменные стены, внутренний двор с колодцем, несколько жилых построек, подземные ходы, о которых не знал никто, кроме них. Когда Грегор и Элизабет нашли это место, оно было заброшено — пустые залы, пыль, птичий помёт на балках. Теперь здесь горел огонь в очаге, пахло едой и травами, а по утрам слышались голоса.

Первым, кого они встретили после побега из Альденхольма, был Арен. Молодой инквизитор, почти мальчишка, дезертировавший после того, как ему приказали сжечь деревню. Он прятался в предгорьях один, истощённый и напуганный, когда наткнулся на Грегора и Элизабет. Грегор узнал в нём себя — двадцатилетней давности, только сломавшегося не через двадцать лет, а сразу. Арен присягнул не трибуналу — лично Грегору. И теперь нёс службу в Приюте: стоял на воротах, тренировался с мечом, учился жить, но без кодекса.

Мира пришла позже, уже после начального обоснования в крепости. Женщина лет сорока, травница, которую объявили ведьмой за то, что лечила травами и принимала роды без благословения церкви. Она бежала, оставив дом, семью, всё. В Приюте стала лекарем — и, сама того не заметив, заменила всем мать. Грегору она нравилась: спокойная, рассудительная, без лишних слов. Элизабет приняла её сразу — вампир, не вампир, ведьма, какая разница, если человек хороший.

Следующий пришедший в их новый дом был Бран. Быв-

ший стражник городских ворот, выгнанный за отказ попытать заключённого. Угрюмый, молчаливый, с лицом, изрубленным шрамами, и руками, которые привыкли держать топор. Он взял на себя обучение бойцов — тех немногих, кто просился в Приют не просто жить, но и защищать его. Пока таких было мало. Но Грегор знал: со временем, будет больше.

Бран был последним из тех, кого можно назвать по имени. Но не последним из тех, кто жил в Приюте.

Кроме них, в крепости обитало ещё два десятка человек. Кто-то пришёл сам, прослышав про убежище, где не спрашивают о прошлом. Кого-то привели Мира и Бран — из тех, кому некуда было идти. Беглые крестьяне, бывшие солдаты, вдова с ребёнком, старик-мельник, которого выгнали за долги. Разные лица, разные судьбы. Они не были воинами. Просто люди, которые хотели жить тихо и никому не мешать.

Грегор не знал всех по именам. Но он знал другое: теперь это его ответственность. Не как инквизитора. Как лидера. Как того, кто дал им крышу над головой. Крепость — достаточно большая крыша, но не бесконечная. Именно поэтому несколько дней назад Грегор отдал приказ об отстройке небольшого города. Землянки, простенькие халупки, а уже затем — лавки, дорожки, стены города, всё что нужно, дабы воссоздать приятную городскую суету. Планировалось сделать его маленьким — чтобы вмещал не более пары сотен человек.

Он оделся, вышел во двор. Утро уже полностью вступи-

ло в свои права. У колодца Мира раскладывала травы на длинном деревянном столе и что-то тихо напевала. Элизабет осталась в доме, а Грегор направился к тренировочной площадке — пяточку утоптанной земли у восточной стены, где Бран проводил утренние занятия.

Арен стоял в стойке, выставив вперёд деревянный меч. Напротив него, скрестив руки на груди, возвышался Бран.

— Ещё раз. Медленно. Не маши, не дровосек на лесопилке.

Арен ударил — слишком резко, потерял равновесие. Бран поймал его клинок своим и одним движением выбил оружие из рук. Деревянный меч отлетел в сторону.

— Ты умер. В третий раз за утро. — Голос Брана был спокойным, но от этого не менее суровым.

— Я стараюсь! — Арен потирал запястье.

— Стараться мало. Думай.

Грегор подошёл ближе, поднял с земли деревянный меч. Взвесил в руке — лёгкий, не Арбитр, но сойдёт.

— Дай я, — сказал он Брану. — Передохни.

Бран кивнул и отошёл к стене. Грегор встал напротив Арена, принял ту же стойку, что и Бран минуту назад. Арен заметно напрягся — одно дело тренироваться с угрюмым стражником, другое — с бывшим инквизитором, который убивал ещё до того, как Арен научился держать меч. Это вызывает и страх облажаться перед своим лидером, и честь.

— Не бойся, — сказал Грегор. — Я не Бран. Больно не бу-

дет. Но ты всё равно умрёшь, в четвертый раз за утро. Давай.

Арен выдохнул и ударил. Грегор отбил легко, даже не сместив стойку.

— Хорошо. Но ты целишь туда, куда я смотрю. Я вижу твой удар за секунду до того, как ты его начинаешь. Не смотри на цель. Смотри сквозь неё.

Они сошлись снова. Арен попытался обмануть — сделал финт влево, ударил справа. Грегор заблокировал, но чуть позже, чем в прошлый раз.

— Уже лучше. Ещё.

Пять схваток подряд. Арен проиграл все, но с каждым разом держался на удар дольше. В конце пятой он тяжело дышал, но глаза горели.

— Ты дерёшься как инквизитор, — сказал Грегор, опуская меч. — Это неплохо для строя. Но здесь не строй. Здесь ты один, и враг не будет ждать, пока ты примешь правильную стойку. Дерись грязнее. Локти, колени, головой в лицо. Выживают не те, кто красиво держит меч. Выживают те, кто готов на всё.

Арен кивнул, всё ещё не в силах отдышаться. Грегор положил ему руку на плечо.

— Ты хорошо двигаешься. Бран тебя нахваливал. Продолжай в том же духе — и однажды победишь даже меня.

— Серьёзно? — Арен поднял глаза.

— Нет. Но ты будешь стараться.

Арен усмехнулся. Грегор вернул деревянный меч Брану

и пошёл к колодцу — умыться. День только начинался, а он уже чувствовал приятную усталость в мышцах. Хорошую усталость. Живую.

У колодца он зачерпнул ледяной воды, плеснул в лицо. Капли стекли по щетинистым щекам, по шее, за воротник. Он выпрямился и вдруг поймал себя на мысли, которую не ожидал от себя — прежнего. Ему нравилось здесь. Нравилось это утро, эти люди, этот покой. Нравилось быть не инквизитором, а просто Грегором.

Он оглянулся на дом, где в окне мелькнул светлый силуэт. Элизабет. Дом. Жизнь.

Но ни он, ни она ещё не знали, что это затишье — последнее, после которого жизнь каждого живого существа уже не будет прежней...

Глава 2 – Отголоски прошлого

День прошёл как обычно. Грегор проверил посты у ворот — Бран расставил людей по-своему, толково, придумать было не к чему. Арен после утренней тренировки взялся чистить оружие в оружейной — маленькой комнате у восточной стены, где на стеллажах лежали мечи, топоры и копья, собранные со всей округи. Мира возилась у очага, помешивая что-то в большом котле, и ворчала на кого-то из молодых, кто опять не принёс воды. Элизабет возилась со склянками в их комнате — Грегор пару раз заглядывал, просто чтобы увидеть её, и она каждый раз поднимала на него глаза и улыбалась.

Обычный день. Тихий. Спокойный.

К вечеру он поднялся на стену. Солнце уже было практически за горами, окрашивая небо в серо-оранжевые тона. С этой высоты долина просматривалась на несколько километров вперёд — редкие деревья, старая дорога, петляющая между холмами, и дальше, на горизонте, тёмная полоса леса. Грегор часто стоял здесь перед закатом. Это вошло в привычку — смотреть на дорогу, по которой они когда-то пришли, и думать, что когда-нибудь по ней придут и другие.

Он не знал, что «когда-нибудь» наступит именно сегодня.

Сначала он услышал шаги Арена, поднимающегося по лестнице. Потом — его голос, запыхавшийся, встревожен-

ный:

— Грегор! Там... у ворот. Один. Без оружия. Говорит, что к Элизабет.

Грегор обернулся. Лицо Арена было напряжённым — он уже научился отличать обычного путника от того, кто несёт беду.

— Кто такой?

— Не назвался. Только сказал, что пришёл от какой-то семьи.

Слово «семья» ударило в грудь. Он посмотрел на дом, где в окне всё ещё горел свет, и пошёл к воротам.

Грегор повернулся к Арену.

— Сообщи Элизабет. Быстро. И скажи Брану — пусть поднимет людей на стену. Без паники, без шума. Просто, на всякий случай, пускай будут готовы.

Арен кивнул и исчез. Грегор пошёл к воротам один.

Шаг его был тяжёлым, размеренным — так он ходил когда-то по коридорам инквизиториума, направляясь на допрос. За месяцы в новом доме, в крепости, эта походка практически забылась, но сейчас — вернулась сама собой. Он не думал о ней — тело помнило.

У ворот стояли двое из ночной стражи — молодые парни, которых Бран натаскивал последние недели. Они держали гостя на расстоянии, выставив алебарды. Грегор махнул им, мол, опустите. Копья ушли вниз, но стража осталась на местах.

Гость стоял в нескольких шагах от ворот — на открытом месте, где его было видно со стены.

Молодой вампир. На вид — лет двадцать пять, но Грегор знал: вампиры не стареют, и этот может помнить времена, когда эта крепость ещё не была заброшена, а лишь строилась. Одет скромно — тёмный плащ, простые сапоги, никаких знаков отличия. Оружия нет. Лицо бледное, нервное — он явно не по своей воле здесь.

Грегор остановился в трёх шагах от него. Смотрел сверху вниз, хотя гость был примерно того же роста.

— Кто ты?

— Моё имя не имеет значения, — ответил вампир. Голос дрогнул. — Я всего лишь посланник. Меня отправили передать слова. Не более.

— Кто отправил?

— Господин Виктор.

Грегор молчал. Имя повисло в воздухе, как приговор. Он не знал Виктора лично — Элизабет почти не рассказывала о нём, так, лишь обрывки. Но по тому, как она замолкала, когда речь заходила о прошлом, он понимал, что этот вампир — не просто старый знакомый.

— Говори, — сказал он.

Посланник облизнул губы. Было видно: он боится. Не Грегора — того, кто послал его.

— Господин Виктор велел передать дословно, лично госпоже Элизабет.

Грегора был охвачен гневом – схватил за отворот посланника и поднял чуть выше своего роста. Именно так когда-то он схватил культиста, после его слов об Элизабет.

— А теперь послушай ты меня, упырь! – Проговорил, оскалив зубы. — Я таких как ты, и как твой Виктор прикончил десятки, поэтому либо ты сейчас говоришь лично мне всё то, что должен был сказать Элизабет, либо же, я совершу дипломатическое преступление.

Грегор имел ввиду убийство посла – в древние века это считалось оскорблением, серьёзным преступлением, равносильное объявлению войны. Было видно что посланник в ужасе, его бросило в холодный пот.

— Хорошо, хорошо! Только отпустите на землю, пожалуйста.

— С радостью.

Вампир рухнул на землю.

— Я тебя внимательно слушаю.

— Мне нужно было передать госпоже Элизабет послание от господина Виктора, дословно: «Элизабет, ты нужна семье. Ты была частью клана, и клан не забыл тебя. Вернись добровольно — тогда твой инквизитор останется жив. У тебя три дня на раздумья. В случае, если ты не одумаешься, по истечении срока мы сами придём за тобой. И тогда пощады не дождется никто».

Грегор выслушал не перебивая. Когда посланник закончил, тишина стала звенящей.

— Это всё? — спросил он.

— Да. Слово в слово. — слегка дрожащим голосом ответил вампир.

Грегор сделал шаг вперёд. Посланник отшатнулся, но не побежал — то ли смелость, то ли понимание, что бежать бесполезно.

— А теперь слушай ты, — голос Грегора был тихим, но безумно грозным. — Ты передашь своему господину ответ. Только мой, не её. Слово в слово. Скажешь: «Грегор не отдаст. Грегор будет ждать. И когда вы придёте — вы пожалеете, что вообще знаете это имя». Запомнил?

Посланник нервно кивнул.

— Повтори.

Тот повторил — слово в слово, сбиваясь только на имени. Взгляд на вампира был убивающим, мало кто сможет долго его выдерживать. Грегор смотрел на него ещё мгновение, потом кивнул и сказал:

— Иди.

Вампир попятился, развернулся и быстрым шагом пошёл прочь по дороге. Почти бежал.

Грегор не двигался, лишь смотрел, весь переполненный гневом и яростью, смотрел ему вслед, пока фигура не скрылась за поворотом. Потом услышал шаги за спиной — лёгкие, почти бесшумные. Он узнал бы их из тысячи.

Элизабет подошла и встала рядом. Он не оборачивался.

— Ты слышала? — спросил он.

— Да. Я подошла в конце. Но слышала достаточно.

— Три дня.

— Он не будет ждать, — сказала она тихо. — Виктор не из тех, кто ждёт. Это просто игра. Он хочет, чтобы мы боялись. Но я понять не могу, зачем? Для чего ты передал такое послание? Это их только разозлит. Ты не понимаешь, что это за существа, они ни капли на меня не похожи!

Грегор наконец повернулся к ней. В её светлых глазах он увидел страх, но не за себя, а за него.

— Мне плевать. Я не отдам тебя, — сказал он твёрдо и решительно.

— Я знаю. — Она взяла его за руку. — Но решать, что делать, будем вместе, без поспешности и эмоций. Хорошо?

— Хорошо...

Они стояли у ворот, глядя на дорогу, по которой ушёл посланник. Солнце уже почти село, и тени от гор ползли на долину, как предвестие чего-то тёмного. Вот оно - затишье перед бурей.

Глава 3 – Точка невозврата

Ночь опустилась на Приют быстро — горы всегда съедали свет жадно, без остатка. В крепости зажгли факелы, но их свет лишь подчёркивал, какой густой бывает тьма за стенами.

Грегор и Элизабет сидели в своей комнате. Та самая склянка, которую она перебирала утром, так и осталась стоять на столе — нетронутой. Ужин, принесённый Мирой, остыл. Они не ели и не говорили. Просто сидели рядом, и тишина между ними была тяжелее любого разговора.

Наконец Элизабет заговорила.

— Ты хочешь знать, — сказала она. Не спросила — констатировала. — После сегодняшнего ты имеешь право.

— Да, я хочу знать, — ответил Грегор. — Но не из-за сегодняшнего. Я хочу знать, потому что это ты. Потому что я должен понимать, с чем мы столкнёмся.

Она подняла на него глаза. При единственной горящей в этой комнате свечи её лицо казалось мраморным — бледным, прекрасным и бесконечно усталым.

— Это долгая история...

— Есть целая ночь в нашем распоряжении.

Она чуть усмехнулась — грустно, уголками губ.

— Тогда, слушай...

Она помолчала, собираясь с мыслями. Грегор не торопил.

— Виктор обратил меня не так, как это принято у Безрасветных. Обычно клан соблюдает правила: обращение — это не насилие, это договор. Человек должен согласиться. Должен хотеть. Иначе — нельзя. Считается, что без согласия душа отвергнет тьму и тело умрёт, навсегда.

Она подняла глаза на Грегора.

— Но Виктор знал способ. Старый, запретный. Обратить без согласия. Через заражение.

Она замолчала. Грегор ждал.

— Это как болезнь. Не проклятие, не ритуал — именно зараза. Она передаётся через кровь. Если вампир выпьет слишком много и вольёт свою кровь в рану жертвы — тьма попадёт внутрь. Не как частица, а как семя. Оно прорастает. Человек начинает умирать — медленно, в лихорадке, в бреду. День, два, три. Иногда дольше. Всё это время тьма говорит с ним. Не словами — страхами, желаниями, воспоминаниями. Она показывает то, что человек хочет забыть. И то, чего он хочет больше всего. А потом задаёт вопрос. Один и тот же, каждому: «Ты хочешь покоя или жизни?»

Элизабет посмотрела на свои руки — бледные, тонкие, неподвижно лежащие на коленях.

— Если человек выбирает покой — он умирает. Навсегда. Если выбирает жизнь — он воскресает. Но уже другим. С искрой тьмы внутри. С голодом. С жаждой крови. И с даром вечной жизни. Хоть это и никакой не дар, а проклятие.

— Ты выбрала жизнь, — сказал Грегор.

— Да. Но не потому, что хотела стать вампиром. — Она подняла глаза, и в них горел холодный, старый огонь. — Я выбрала жизнь из злости. Из ненависти к нему. Он отнял у меня всё — дом, семью, будущее. И я решила: не умру. Останусь. Отомщу.

Она снова замолчала. Грегор взял её за руку — холодную, как всегда.

— Ты не отомстила.

— Нет. Я сбежала. Поняла, что месть — это то, чего он хочет. Что так я останусь привязанной к нему навсегда. А я хотела свободы.

— И он тебя отпустил?

— Он не знал, где я. Я пряталась. Менялись города, имена, лица... Я думала, что оторвалась. Но связь никуда не делась. — Она прижала ладонь к груди, туда, где у людей бьётся сердце. — Я всегда чувствую его. Не мысли, не эмоции — просто присутствие. Как зуд, который нельзя почесать. Как тень за плечом, даже когда солнца нет. И он чувствует меня. Поэтому он нашёл нас. Не через слухи, не через шпионов. Просто знал, где я...

Грегор сжал её руку чуть сильнее.

— Есть способ разорвать эту связь?

— Да. — Она посмотрела ему прямо в глаза, будто бы просила о чём-то. — Убить его.

В комнате повисла тишина. Свеча догорала, тени на стенах увеличивались. Грегор медленно кивнул.

— Ты не будешь свободна, пока он дышит. Значит, перестанет дышать. Он уже мертвец. Просто сам ещё не знает об этом. Я обещаю.

Элизабет смотрела на него, и в её светлых глазах медленно таял тот старый, холодный огонь, что горел там последние десятилетия. Никто никогда не говорил ей такого. Никто не обещал убить того, кого она боялась больше всего. Никто не делал её свободу своей целью. Для неё это было... невероятно!

Она подалась вперёд и коснулась его лица — легко, почти невесомо, кончиками холодных пальцев, очень нежно. Провела по скуле, по шраму, которого он сам почти не замечал. Он не двигался. Только смотрел.

— Ты понимаешь, что говоришь? — спросила она тихо, шёпотом. — Ты обещаешь убить трёхсотлетнего вампира, главу клана, последнего Стража тьмы. И всё ради меня.

— Ради тебя, — повторил он.

Она покачала головой — не отрицая, а словно не веря.

— Я прожила несколько десятков лет, Грегор. Я видела ложь, предательство, трусость. Я видела тех, кто клялся в любви, а потом пытался убить, узнав, кто я. Я думала, что никто и никогда не встанет между мной и тьмой. А теперь приходишь ты — бывший инквизитор, человек, которому по всем законам положено меня ненавидеть, — и говоришь, что убьёшь моего демона.

— Я не «человек, которому положено», — ответил он. —

Я тот, кто тебя любит. Это всё.

Она замерла. Он тоже — потому что впервые сказал это вслух. Не в мыслях, не в полунамёках. Словами. Простыми, прямыми, теми, что не требуют перевода.

А потом, она поцеловала его — не как в прошлый раз, а с отчаянной, долго сдерживаемой нежностью. Её холодные губы дрожали, а пальцы сжали ткань его рубахи так, словно она боялась, что он вот-вот исчезнет.

Он обнял её — крепко, надёжно, как умел только он. И в этом объятии не было страха. Только обещание. То, которое он сдержит.

Утром Грегор проснулся первым. Элизабет ещё спала — её дыхание было ровным и тихим, а лицо в сером утреннем свете казалось почти безмятежным. Он не стал её будить. Оделся, вышел во двор.

У колодца уже хозяйничала Мира. Бран проверял посты у ворот. Арен, как всегда, тренировался с деревянным мечом у восточной стены. Всё как обычно. Только теперь Грегор смотрел на это иначе.

Он знал: если они останутся здесь, Виктор придёт. Придёт не один — с теми, кто верен ему, с теми, кто называет себя семьёй Безрассветных, с теми, кто не простит Элизабет побега. И тогда пострадают все. Мира, которая даже меча в руках не держала. Арен, который только начал верить, что может быть чем-то большим, чем трус, сбежавший с поля боя. Два десятка крестьян, беглецов, вдов и стариков — всех, кто

пришёл сюда в поисках покоя. Их нельзя подвергать битве. Он не мог этого допустить.

Элизабет вышла из дома, когда солнце уже поднялось над стеной. Он ждал её у ворот.

— Ты уже решил, — сказала она. Не спросила — просто поняла по его лицу.

— Да. Мы идём к нему сами. Не ждём, пока он придёт сюда.

Она кивнула. Медленно, тяжело, но без колебаний.

— Ты понимаешь, что мы оставляем Приют?

— Понимаю. Поэтому ты останешься здесь, а я...

— Нет! — Она встала перед ним, заглянула в глаза. — Ты сказал: мы идём. Значит, мы. Вместе. Как и всё остальное до этого. Я не позволю тебе идти туда в одиночку!

Он хотел возразить. Но не стал. Потому что знал: она права. И потому что сам не хотел идти один.

— Хорошо. Тогда нужно поговорить с остальными.

— Согласна. — Сказала она, выдохнув.

Грегор встал в центре двора, перед входом в крепость, и громко объявил общий сбор. Долго ждать не пришлось: Мира вышла из кухни, вытирая руки о фартук. Бран спустился со стены. Арен появился почти сразу — он был у ворот. Подтянулись и несколько стражников, что несли дозор. Все, кто был нужен, пришли быстро и встали полукругом. В этом месте к Грегору прислушивались, и тишина наступила сразу — без криков, без ожидания.

— Вчера объявились обстоятельства, — начал он, обведя всех взглядом, — по которым мне и Элизабет придётся покинуть крепость. Ненадолго. Подробности я не сообщаю, но ничего страшного не случилось. Через несколько дней мы вернёмся. В моё отсутствие вся ответственность за город и крепость переходит на Брана.

Он говорил спокойно, ровно — так, как говорят, когда не хотят сеять тревогу. И люди верили. Почти все.

Едва он закончил свою речь, Бран отвёл его в сторону, подальше от чужих ушей. Его лицо, и без того мрачное, сейчас казалось высеченным из камня.

— Грегор, почему ты...

— Бран. — Грегор вытянул руку перед собой, мягко, но решительно обрывая фразу. — В первую очередь я думаю о наших людях. Сказать правду — дойдёт до остальных. Начнётся паника. А паника сейчас никому не нужна.

Бран помолчал. Потом нехотя кивнул.

— Да. Ты прав.

— И ещё. Слушай внимательно и запомни. Это приказ.

— Слушаю.

— Если через семь дней мы не вернёмся — собирай весь народ и веди на восток. Потому что эти твари, скорее всего, придут и за вами. А если придут — значит...

— Я понял, — перебил Бран. Голос его дрогнул, но взгляд остался твёрдым. — Не продолжай.

Напряжение разлилось между ними, как холодная вода —

быстро и мурашками по всему телу. Бран стиснул челюсти, справляясь с чем-то внутри.

— Только прошу тебя: и сам будь аккуратнее, и Элизу береги.

— Себя не обещаю, — усмехнулся Грегор.

— Чёртов шутник.

Оба коротко рассмеялись, и этот смех снял тяжесть — самую малость. Бран протянул руку, и Грегор сжал её. А потом они обнялись — крепко, по-мужски, без лишних слов. Со стороны могло показаться, что эти двое знали друг друга всю жизнь. За те месяцы, что они провели рядом, сблизились так, как не сближаются даже за годы. Это не было похоже на отношения командира и подчинённого, лорда и воина. Это было... братство. Двое, которые внутри чем-то неуловимо похожи, и потому доверяли друг другу не хуже, чем себе.

Грегор оставил Брана и направился к Мире. Она стояла чуть позади, у колодца, и смотрела в землю, словно что-то высматривала.

— Мира?

— Да. — Она подняла глаза не сразу.

— Ты в порядке?

— Да. Просто... задумалась. — Она помолчала. — Я ведь тоже знаю правду. Может, не всю, но в общих чертах. И я чувствую: что-то надвигается.

В её голосе был страх — не панический, а тот, что находится глубоко и не выходит наружу. Грегор положил руку ей

на плечо.

— Всё под контролем. Ты же знаешь: придумаем что-нибудь.

Мира покачала головой.

— Нет, ты немного не понимаешь меня...

Она сделала паузу. Грегор ждал.

— Ты её любишь?

— К чему этот вопрос? — он чуть нахмурился. — Я действительно не понимаю.

— Ответ очевиден. — Мира посмотрела ему прямо в глаза. — Поэтому, пожалуйста: не дай ей уйти в темноту. Она за тобой пойдёт куда угодно. Ты ради неё — тоже, наверное. Если она останется одна — пропадёт.

Грегор хотел сказать, что это и так понятно, что он готов на всё, что Мира зря тревожится. Но вместо этого — просто кивнул.

— Хорошо.

Мира выдохнула, словно этот кивок значил больше, чем любые клятвы. Грегор убрал руку с плеча Миры и направился к восточной стене, где Арен, заметив сбор, уже ждал его. Молодой воин стоял, выпрямившись, как перед строем, но глаза выдавали тревогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.